

КУРГАНСКИЙ ВОЛШЕБНИК

новелла - память

*Новинки, каких и не знали,
Нам ныне привычными стали.
Ума, рук умелых творенья -
Везде вокруг - изобретенья.*

*Весна Закатова
(поэтесса XXI века)*

Оглавление

1. Возмутители спокойствия	3
2. Волшебник из деревни	5
3. Чудеса	7
4. Подарок от шахмат	9
5. Загадка Ноктюрна	12

1. Возмутители спокойствия

*Не для того дана нам власть,
Из-за безумцев чтоб не спать!*

Широкая мраморная лестница Кремлевского дворца.

По ней когда-то поднимались цари в роскошных одеяньях, бояре в собольих шубах, позднее вельможи в седых паричках и золоченых кафтанах и ослепительные дамы, сверкающие оголенными плечами и дорогими драгоценностями. Шли и стройные генералы в белоснежных мундирах с эполетами и бриллиантовыми звездами. Проходя под висящей над лестницей батальной картиной, кое-кто из них узнавал детали перенесенного ими боя.

Теперь вверх стремилась толпа совсем иных людей в современных пиджаках, многие с колодками государственных наград. Среди них и женщины, скромно причесанные, в строгих костюмах.

Направлялись они не в красочную Грановитую палату с полукружьями старинных сводов, а заворачивали влево в длинный Большой Кремлевский зал с хорами для музыкантов. Внизу на сияющем паркете под их музыку грациозные пары танцевали когда-то котильоны, мазурки, вальсы.

Теперь зал был переделан для больших собраний, заседаний, съездов. Но оказался для этого крайне неприспособленным. Оратора едва слышали в первых рядах. Пришлось каждое место снабдить радионаушником. И я, делегат Всесоюзного съезда изобретателей, сидел в самом зале, а как бы слушал его трансляцию.

Дошла очередь выступления и до меня. Об очень многом хотелось мне сказать. Вспомнились горьковские слова: "Человек - это звучит гордо!" Что знают бывшие посетители этого дворца, скажем, о "Вольтовой дуге", полученной, кстати сказать, русским ученым Петровым в начале восьмисотых годов, раньше физика Вольта. Или о дуговой электролампе (свече) нашего Яблочкова, положившего начало электросвету современности, или электрической лампочке накаливания Ладыгина, намного опередившего Эдисона. Самолет Можайского с паровым двигателем пер-

вым из аппаратов тяжелее воздуха оторвался от земли, а первая паровая машина на паровозе братьев Черепановых работала в Барнаульской глуши раньше якобы первой паровой машины Уатта. А РАДИО, открытое профессором Поповым и тщетно оспариваемое в Международном суде итальянцем Маркони. А радиолокация, пришедшая к нам с Запада в сороковых годах, уже практически применялась на учениях Балтийского флота тем же Поповым на сорок лет раньше. Косность невежественного начальства знакомая нам.

Та же судьба была у вертокрылой летательной машины, геликоптера Сикорского, попавшая к нам уже из Америки, с легкой руки моего романа "Мол Северный (1951 г.) названная "вертолетом". Впервые примененное в романе слово вошло в русский язык, наряду со словом "инопланетянин" уже из другого моего более позднего романа "Сильнее времени", вместо применявшегося "инопланетчик".

Горькой традицией стало пренебрежение у нас русской мыслью. Даже использование ее называлось многозначительным и досадным словом "внедрение" - то есть преодоление сопротивления, нечто вроде забивания костыля в стену молотком.

Но когда я взошел на трибуну, знавшую прославленных ораторов, когда увидел надпись, предостерегающую меня о краткости отпущенного мне времени, то понял, что не стоит повторять всем известное о не использовании русского приоритета, и в невольно горячих словах передал всю позорную бессмысленность халатного пренебрежения пользой труда изобретателей, которые вместо унижительного сгибания спины перед номенклатурщиками могли бы сказать: "Изобретатель - это звучит гордо!"

Видимо, задел я делегатов съезда за самое живое и, возвращаясь по проходу между рядами кресел, едва успевал пожимать тянувшиеся ко мне руки. Внезапно дорогу мне преградил коренастый человек в усах на мужественном, кавказского типа лице, шепнув:

— В Георгиевском зале. Исключения подтверждают правила.

— Это профессор Илизаров, один из четырех заслуженных изобретателей СССР, — догнав меня, с придыханием сообщил шустрый журналист.

Я слышал об этом примечательном человеке и был рад предстоящей встрече.

2. Волшебник из деревни

*Талант помог изобрести,
Но как до дела довести?*

Торжественный беломраморный зал. Сверкающие стены его покрыты золотом имен всех Георгиевских кавалеров былых времен Российской империи. Я не удивился бы, прочтя имя Илизарова среди перечня героев, хотя, он, идя на операцию, меча не обнажал, лишь скальпель держа в защищенной перчаткой руке.

Мы сразу нашли в толпе друг друга. Я его - по усам, он меня - по бороде.

Оказалось, что мы заочно знакомы и по фантастике, и по шахматам, но именно поэтому побеседовать нам не удалось. Тот же шустрый репортер притащил фотографа, который снял "двух фантастов". Увеличенная до портретных размеров фотография, висит у меня в кабинете, как память о замечательном человеке.

Беседа состоялась у него в номере в гостинице "Россия".

— Я слышал о вашем удивительном аппарате, — начал я. — Скажите, как вам это удалось?

— Изобрести или реализовать?

— Второе еще поразительнее. Ведь Эдисон говорил, что изобрести - это лишь 2 %, а 98 % - довести до дела, реализовать, распространить, получить выгоду. Или вы - волшебник?

— "Волшебник из деревни", — усмехнулся в усы Гаврила Абрамович. — Вернее, из села. Был я сельским врачом, когда взбрело это мне в голову во время обдумывания очередного хода в шахматной партии по переписке, в селе-то партнеров нет - учитель да милиционер. Я очень люблю лошадей, а лучший конь в колхозе сломал себе ногу. Я места себе найти не мог, узнав, что его на живодерню отправляют. Чуть не проиграл, записав ошибочный ход. Ладно, не успел на почту снести. Им

обоим я по ладье вперед давал, а они меня и выручили, вернее коня о трех ногах, — говорил он обо всем этом, как о чем-то забавном.

— Выручили в шахматы? — удивлено переспросил я.

— Да нет! — по-хорошему рассмеялся профессор Илизаров. — Когда я вскрыл конверт с не отправленным письмом, то рядом с записью шахматного хода увидел свой эскиз приспособления из двух обручей, соединенных винтами, для скрепления сломанной кости.

— Без всякого гипса?

— Вот именно! И я сразу побежал к председателю колхоза коня спасать. У него учитель с милиционером по делам сидели. При них я и выпалил свою идею.

— Они ж не медики!

— Да. Боюсь, не слишком меня поняли, но коня всем жалко, да и шахматы объединяют. Вот не медики, меня и поддержали. Председатель на большинство голосов любил сослаться, ну и согласился. Тут я с помощью местного кузнеца Михая потрудился, пока мой пациент на трех ногах прыгал. Потом с ассистентами - фельдшером и колхозным конюхом операцию провели. Лошадь усыпили, костный перелом соединили и по обе его стороны на вбитых в здоровую кость гвоздях закрепили два обручи, крепко стянув их винтами. Так и оставили конягу досыпать. А он очнулся и к удивлению нашему на все четыре ноги встал. Лучше здоровой кости обручи с винтами, как в железном сапоге, ногу ему держали. И срослась у него нога скорее, чем загипсованная. Под нагрузкой кровообращение лучше оказалось. Вскоре сняли мы с него кузнечной работы аппарат.

— И что потом?

— Доложил я по медицинской инстанции, но никто мне не поверил, потому что хирургия самая консервативная отрасль медицины. Ведь ножом в тело больного вторгаются. А по Гиппократу "Не повреди!".

— Но как же признали вас, профессором сделали?

Илизаров усмехнулся:

— Лишился я шахматного партнера. Выдвинули учителя в область очень высоко. И вытащил он меня в областной центр. Вот туда я вас приглашаю приехать, и все там покажу.

— А в Москве нельзя? — робко спросил я.

Профессор снова рассмеялся:

— Только в одной клинике областного подчинения МОНИКИ пошли мои аппараты, уже сверкающие никелем, а в соседних городских больницах - гипс...

3. Чудеса

*Мы отрицать готовы чудо,
Пока самим не станет худо.*

Я сошел с поезда в Кургане, в одном из первых сибирских городов за Уралом.

Профессор Илизаров прислал на вокзал машину, встретил меня на ступеньках подъезда нового многоэтажного здания своего института.

Мы шли операционно чистыми коридорами, поднимаясь с этажа на этаж. Двери в палаты перемежались просторными холлами с мягкой мебелью и телевизорами. В одном из них со столами для игры в пинг-понг он задержался, подошел к ближнему игроку и спросил:

— Ну, как? Проигрываешь?

— Нет, Гаврила Абрамович, пока удалось выиграть.

— Небось, с ракеткой в левой руке несподручно?

— Ну что вы, профессор! Я, как вы наказали в переломанной ее держу.

— А ну покажи гостю.

Игрок положил ракетку и засучил правый рукав пижамы.

Я увидел между локтем и кистью два сверкающих обруча, соединенных золотистыми анатированными винтами.

— Вот вчера привели его с поломанной рукой, мы и укрепили ее браслетами.

— И уже сегодня в настольный теннис играет? — удивился я.

— Это не игра, а лечебная процедура, — строго ответил профессор.

— Ну, конечно! — согласился я, вспомнив колхозного коня.

— Вчера уехал от меня иностранец.

— Посетитель? Врач?

— Нет. Знаменитый путешественник, спутник Тура Хейердала на плоту "Кон-тики". Перед запланированным альпийским походом ногу сломал и примчался сюда, чтобы успеть к восхождению. Так мы и не успели аппарат снять. Взаялся сам это сделать во время подъема.

Я только головой покачал.

По выходе из холла нам встретился плечистый загорелый мужчина с кубком в руке:

— Это вам, профессор, от самого народного академика Мальцева.

— Так я ж Терентия Семеновича не лечил! — запротестовал Илизаров. — Зато соревнующегося тракториста в строй ввели. Помните, как я убивался, что в Мальцевском полевым соревновании принять участие не смогу, а вы на поломанную ногу такую петрушку приладили, что я педалями орудовал не хуже здорового. Первым в поле оказался. Вот кубком наградили. А он ваш по праву. Прошу принять. Не обижайте.

— Ладно, ладно, первый тракторист. Поставим в моем кабинете как достижение института. А тебе аппарат пора снимать. Иди в перевязочную. Я подойду посмотрю как ты педали выжимаешь?

Благодарный тракторист передал кубок профессору и направился к знакомой процедурной. Илизаров, смотря ему след, заметил:

— Сколько в шахматы играю, а спортивной награды не заработал. А тут на тебе — кубок, да еще какой красивый!

— А я вам, Гаврила Абрамович, шахматную награду привез.

— Так, где ж она? У меня вторая рука свободна.

— Доска нужна.

— Пошли. У меня в кабинете найдется. Рядом с кубком поставим.

По дороге в профессорскую нам встретился высокий улыбающийся парень с ракеткой в руке.

— Три недели назад он был мне по плечо, коротконогий. Теперь на полголовы выше меня. К баскетболу готовится. В команду не брали. Вот мы и удлинители ему ноги, чтоб кубки зарабатывал.

— То есть, как это удлинители? — поразился я.

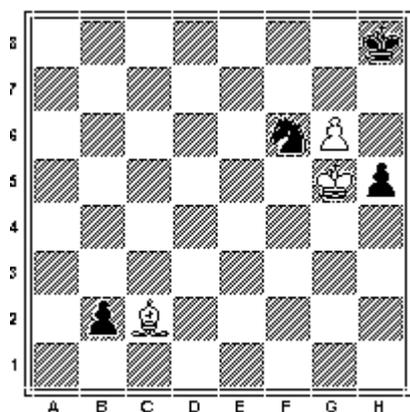
— Переломили ему под прессом аккуратненько обе ноги и закрепили кости нашими аппаратами, чтобы срастались, только врачи каждый день

людям выдумывает. А руки у него золотые. Люди подолгу здесь живут, очереди дожидаются.

Заполночь профессор все-таки явился в мой по-спартански обставленный номер и сразу расставил фигуры, принеся карманные шахматы с собой.

— Ну, удружили подарком. Семь потов спустил. Легче три операции сделать, а все-таки решил. Здорово! Две грозные проходные на разных флангах вместе с черным конем против отставшего короля со слонем ничего сделать не могут! — и он стал с нескрываемым удовольствием показывать варианты:

— **1. Kpc7** — Хуже нет - ждать, да догонять. А ждать нельзя. Так у нас кабардинцы говорят. — **1... b4 2. Kpd6 b3**. — Ее и не догнать, кабы не слон. — **3. Cd1 b2 4. Cc2**. — Теперь черные воронка h вскачь пускают с белым королем взапуски. Хоть в тотализатор играй. — **4... h5 5. Kpe5**, грозя взять коня и двинуть пешку g6 в ферзи, но — **5... Kq4+ 6. Kpf4! Kf6**, — спасая пешку h5, после неизбежного **7. Kpg5**. — Создалось прелестное положение позиционной ничьи (диагр. 2).

диагр. 2

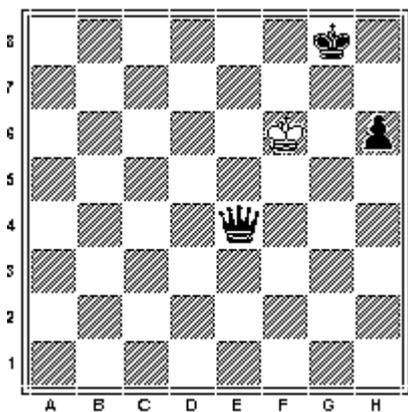
Ранним утром Гаврила Абрамович застал меня еще в постели:

— Не могу не сказать, как благодарен вам за подаренную мне истинную красоту. Я опроверг и свой ложный след, и нашел авторское решение.

И он снова расставил шахматы:

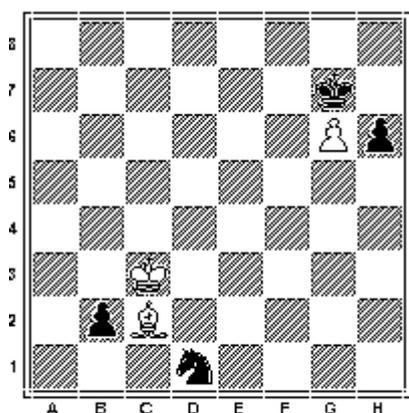
— Как просто открывался ларчик! И как свойственен нам самогипноз. Мы видим лишь то, что нам хотелось бы видеть. Я напал слонем на пешку 3.Cb1, считая, что черные непременно двинут пешку на b2, близоруко упуская из виду промежуточный шах — 3.Ke4+, сразу и защищая пешку и проводя ее в ферзи. Теперь пешка h при лишнем коне легко выигрывают. Авторский же путь, куда изящнее моей позиционной ничьи, — и он показал: — **1. Kpc7 b4 2. Kpd6 b3** — и теперь вместо моего естественного хода 3.Cc1 с задержанием пешки делается, казалось бы, бессмысленный ход — **3. Kpe5!** — пропуская пешку b в ферзи, но затаив красивейшую угрозу: — **3... b2? 4.**

Кр : f6 b1=Ф 5. g7+ Кph7 6. Сe4+ Ф : e4 7. g8=Ф+ Кр : g8 — и белым излюбленный Куббелем чистый вакуумный пат (диагр. 3).

диагр. 3

— Избегая ничьи, — продолжал с воодушевлением мой ранний гость, — черные, защищая коня, теряют драгоценнейший темп — **3... Кpg7** — и пытаются делать ставку на пешку b, но теперь белые нападают на нее слоном. Промежуточного шаха на e4 нет! — **4. Cd1 b2 5. Сc2 Kq4+ 6. Kpd4** — теперь король настигнет, как в известном этюде Рети, недогоняемую пешку, но черный конь хотел бы помешать, но — **6... Kf2 7. Kpc3** — и белые, догнав пешку, обеспечивают себе ничью. И даже отчаянный бросок черного коня 7... Kd1+ не избавит от ничьи. Например: 8. Kpd2 Kf2 9. Kpc3 Kd1+ 10. Kpd2 Kf2 11. Kpc3 Kd1+ — троекратное повторение позиции - ничья! Вы помогли мне своим подарком увидеть подлинную красоту, и заслужили ключ от тайной двери моих исканий (диагр. 4).

диагр. 4

Я понял, что в институте меня ждет что-то еще более удивительное. И заторопился туда вслед за ушедшим к себе профессором.

Однако в кабинете его не оказалось, он делал плановую операцию и передал мне через пожилую сухопарую секретаршу в строгих очках просьбу подождать его.

Ждать пришлось больше двух часов.

Я во всех деталях изучил его кабинет, удивляясь подбору книг по терапии, хирургии, анатомии, притом не только человека, но и беспозвоночных, монографии по палеонтологии и целый том, посвященный ящерицам, книга знаменитого фантаста и палеонтолога профессора И.А. Ефремовна о созданной им науке Тофономии. И еще много книг по научной фантастике, и, к моему удовольствию, в том числе и моих. Значит, заочно мы были знакомы и раньше. Но в чем он еще откроется мне?

5. Загадка Ноктюрна

*Мы звёзды в небе знаем все,
Но очень мало о себе.*

Я готов был увидеть усталого, изможденного человека после бессонной ночи и нескольких проведенных операций, но вместо него в кабинет буквально ворвался пышущий энергией, бодрый, возбужденный профессор Илизаров.

— Идемте! Скорее! — позвал он, словно нам предстояло вскочить в последний вагон уходящего поезда.

На этот раз мы не поднимались по лестницам, а прямо из кабинета прошли к лифту, встроенному между книжными шкафами и незамеченному мной. Дверцы его открывались не нажатием кнопки, а специальным профессорским ключом.

Когда же они открылись, то мы оказались не на лестничной площадке, а в лаборатории. В ее стенах - камеры со стеклянными окнами, за ними - различные животные. Мы попали не то в зверинец, не то в террариум.

Профессор засунул руку за одно из стекол и ухватил за хвост ящерицу. Она рванулась, оставив хвост в профессорской руке. Нисколько не обескураженный этим, он вынул руку и стал рассматривать отторгнутую часть тела животного.

— Одно из чудес Природы? — произнес я.

— В том, что новый хвост уже отрастает. А вы стрижете себе волосы или ногти и не считаете чудом, что они отрастают.

— В голову не приходило, — признался я.

— Вот то-то, — с укоризной заметил профессор, — как промежуточный шаг. А если заметить это, как явление природы, и попробовать исцелять калек?

От ящериц мы перешли к обезьянам, чем-то непохожих на обычных. Некоторые короткохвостые или совсем без хвоста. Одни ловко прыгали с трапеции на трапецию, пользуясь несомненно искусственно удлиненными руками, или недвижно лежащие на подстилках, как парализованные.

Глядя на них заботливым взглядом Илизаров говорил:

— У Чингиз-хана была ужасная казнь для трусов и провинившихся. Несчастливым переламывали позвоночник и оставляли на знойном песке пустыни. Травматические повреждения позвоночника порой оставляют людей калеками на всю жизнь, — он задумался и продолжал:

— Чудо-артист, Валентин Иванович Дикуль, упав из-под купола цирка, невиданной мужественностью и изобретательностью победил свой паралич, развив в себе такую мускулатуру, которая взяла в железные тиски поврежденный позвоночник и выправила его. Хочу прийти Валентину Ивановичу на помощь, который не только показывает в любимом своем цирке невиданную, обретенную им силу, но и возглавил центр реабилитации, где возвращаешь людям здоровье испытанным на себе методом. Но не все на это способны. Хочу другим помочь. Придумал приспособление, удерживающее позвонки до их сращивания. Для таких больных специальный корпус возводим.

— Еще одно чудо волшебника!

— Я пока не открыл потайную дверь, ключ от которой - во вчерашнем этюде.

В углу лаборатории был вделанный в стену сейф с дверцей в рост человека. Илизаров набрал шифр.

— У вас как в Центробанке! Золото храните, бриллиантовую корону?

— Куда ценнее, — усмехнулся в усы профессор-кабардинец и распахнул дверь не в сейф, а в уютную комнату с широкими окнами, ковром и мягкой мебелью.

Человек поднялся к нам с удобного дивана. Пустой правый рукав больничной пижамы был засунут в карман.

— Да у вас здесь узник! — изумился я.

— Только добровольный.

Из-под дивана выскочила беспородная собачонка на трех лапах. Звонко облаяла меня, потом, поняв, что я с профессором, встала на задние лапы, опершись одной передней о белый халат профессора, стала ластиться к нему. И тут я заметил, что другая ее лапа коротенькая и недоразвита, как у щенка.

— Неужели вы прижили псу щенячью лапу, как когда-то профессор Брюхоненко вживил взрослой собаке живую щенячью голову?

— Вы ошибаетесь, гость мой. Я никому ничего не вживляю. А пока мы попросим Игоря Дмитриевича сыграть нам свое любимое.

Только сейчас я заметил в комнате скромный кабинетный рояль.

Странный узник-пациент поздоровался со мной и подошел к инструменту, подняв его крышку своей единственной рукой.

Я сел в кресло и закрыл глаза, чтоб не видеть горьких усилий калеки-музыканта.

Тихим ручейком влились в меня нежные звуки. Казалось, ароматные гроздья свисают к воде. Мокрые темные камни встали на пути. Вскипел, забурлил, заклокотал, покрылся пенным облаком грохочущий ручей. Рычит и рвется вперед, и низвергается с гранитного уступа сверкающим на солнце потоком, растекаясь в спокойную ширь. Потом, снова сужаясь, проходит мимо, им же созданной, отражающей синее небо заводи, напомнившей мне почему-то зеркальный пат из посвященного Илизарову этюда, и течет дальше живительной струей к мирным долинам, неся цвет садам и зерно полям.

Я очнулся, поняв, что слушал великолепное исполнение любимого ноктюрна Скрябина для левой руки.

— Вот такая у нас в Кургане гордость была. Консерваторию в Свердловске закончил. На международный конкурс его послали. В пути в железнодорожной катастрофе руку потерял. Вот мы с обезьянами, ящерицей и трехлапым Чуком пытаемся на помощь виртуозу прийти, новую руку вырастить. Человеку впервые и... пока секретно...

— Разве такое возможно? — изумился я.

— Ящерица считает возможным, Чук на ампутированной лапе себе новую отращивает, как вы бороду. Да и гордость Кургана, Игорь наш ни от Международного конкурса, ни от нашей диковинной операции не отказался.

Профессор подошел к пианисту и обнял его за плечи:

— Ну, молодец, сынок, чудесно сыграл. На правой это, знай, скажется, между ними связь кровная, родовая. Все дело, — обратился он ко мне, — в нервном стержне. Не мы, Природа формирует вокруг него по генетическому коду хвост, а не пасть, ногу, а не ухо, наконец, руку, а не

хобот. Все происходит как с вашими ногтями, волосами, содранным кусочком кожи или затягиванием любой раны вообще.

Профессор засучил пациенту правый рукав. Я увидел в нем нежную кисть маленького ребенка.

— Есть музыкальная байка, — заговорил пианист, — будто Бетховен, когда все пальцы играли, почувствовал, что ему не хватает одного звука и он нажал клавишу носом. Вот и я пытаюсь, порой для полноты звучания, нажимать клавиши этими пальчиками, — и он пошевелил ими.

— Молодец! Так и надо и с музыкальной, и с медицинской стороны.

Пианист закрыл крышку рояля.

Профессор спросил меня:

— А вы о чем думали во время ноктюрна?

— Представил себе тихую заводь в виде зеркального пата.

— Верно! И я решил, что ваш этюд — шахматный ноктюрн. Спасибо за такой подарок!

И мы обнялись.

Уже много лет нет этого Замечательного Человека. Когда мне попадает посвященный Курганскому волшебнику этюд, я заряжаю магнитофон кассетой с новой записью лауреата международного конкурса, которого профессор Илизаров вернул к жизни и творчеству.

Особенно часто звучит ноктюрн Скрябина для левой руки...

И Гаврила Абрамович стоит передо мной как живой.